

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-3778-502X; rozchkova@mail.ru

СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ

А н н о т а ц и я . Исследование выполнено на материале оригинальных поэтико-литургических текстов, созданных в XI–XV веках. Научная новизна работы заключается в том, что впервые рассматриваются словосочетания с родительным падежом, функционирующие в древнерусских гимнографических текстах. В статье анализируются конструкции, соответствующие модели «существительное + существительное в родительном падеже». Наблюдения показывают, что именно такой тип сочетаний выступает как самый многочисленный среди сочетаний с приименными зависимыми падежами. Целью исследования является определение значений родительного падежа с опорой на лексико-семантический анализ компонентов сочетаний, а также установление соотносимых грамматических конструкций с другими падежными формами и с прилагательными. В ходе работы установлено восемь частных значений родительного падежа. В количественном отношении группы представлены неравномерно, явное преимущество принадлежит сочетаниям, в которых значение родительного определяется как метафорическое. Внутри каждой семантической области наблюдается разное соотношение параллельных грамматических конструкций. Наряду с присубстантивным родительным выступают сочетания с приименным дательным или с зависимым прилагательным. Границы других семантических зон включают в себя три соотносимые конструкции. В одних случаях параллельно с родительным падежом используются сочетания с дательным и местным падежами (например, при выражении объектного значения), в других – ряд соотносимых конструкций образуют сочетания с дательным и сочетания с зависимым прилагательным. Делается вывод о наличии таких семантических областей, в которых присубстантивный родительный служит единственным средством выражения значения.

Ключевые слова: гимнография, исторический синтаксис, словосочетание, управление, родительный падеж

Для цитирования: Рожкова А. В. Субстантивные словосочетания с родительным падежом в древнерусской гимнографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.600

ВВЕДЕНИЕ

Значения падежей, их реализация в разных типах словосочетаний и предложений долгое время остаются центральным объектом исследований в работах разных лет, освещающих грамматические особенности русского языка как на современном этапе, так и на диахроническом срезе. Длительное изучение родительного падежа позволило лингвистам определить его как падеж многозначный, хотя подобная многозначность подвергалась сомнению [17: 145]. Значения родительного падежа в древнерусских и старорусских памятниках описаны в коллективной монографии [14: 164–176], в исследованиях по историческому синтаксису В. И. Борковского¹, Т. П. Ломтева [4: 440, 474–477, 481, 482],

А. Н. Стеценко [15: 94–96]. Полученные результаты наблюдений позволяют очертить круг значений родительного падежа в приименных сочетаниях – это значения принадлежности, субъекта, объекта, меры и количества. Важными в свете обсуждаемой темы являются работы, посвященные синтаксису родительного падежа в старославянском языке [3: 183–203], [16: 124–147]. Свидетельствующие о непрерывной традиции изучения родительного падежа работы последних лет посвящены частным вопросам функционирования этих форм. Приименный родительный рассматривался в статье Л. А. Москалевой в аспекте сопоставления с дательным падежом, что позволило автору составить классификацию единых грамматических значений двух падежей

на материале славянских переводов Евангелий [7]. Более поздние в хронологическом плане тексты также становились материалом для анализа генитива. Так, Л. А. Огородникова, рассматривая художественные и публицистические тексты XVIII века, приходит к выводу о реализации всех возможных значений родительного падежа в приименных конструкциях, количество которых превышает глагольные сочетания [10].

Изучение средневековых гимнографических памятников началось еще в XIX веке с работы М. Г. Попруженко², посвященной фонетике и отчасти морфологии служебной Миней 1095 года. Эти же аспекты затрагивались в немногочисленных исследованиях С. П. Обнорского³, В. М. Маркова [5], Е. М. Верещагина [1]. Лексическое, лексико-семантическое и лексико-словообразовательное варьирование списков минейных текстов изучала Н. А. Нечунаева [8], [9]. Отдельные виды синтаксических конструкций оригинальной русской гимнографии рассматривал автор данной статьи [11], [12].

В целом отметим, что структура и функции словосочетаний с родительным падежом, его значения не были предметом специального рассмотрения на славяно-русском гимнографическом материале, что актуализирует тему настоящего исследования. Базовым материалом для работы стали древнерусские гимнографические тексты, созданные в разное время. К ранним текстам относятся образцы XI–XII веков, посвященные первым русским святым: княгине Ольге, князю Владимиру, Борису и Глебу. Примерами следующего временного среза – середины XV века – являются две службы: на обретение мощей Сергия Радонежского и на обретение мощей митрополита Алексия. Анализ текстов проводится по рукописным источникам XI–XVI веков, а также по опубликованным документам⁴.

Объектом наблюдения выступают словосочетания с приименным генитивом. Методом сплошной выборки из текстов извлечены субстантивные словосочетания со всеми зависимыми падежами, из которых количественное преимущество принадлежит сочетаниям с генитивом (140 сочетаний). Исследователи отмечали, что конструкции «существительное + существительное в родительном падеже» являются самой многочисленной моделью среди субстантивных словосочетаний в современных славянских языках: русском, польском, чешском, сербохорватском [6: 49, 100, 189]. Такое наблюдение коррелирует с тезисом, сформулированным Р. О. Якобсоном, о свойствах генитива: присубстантивное употребление «является типичнейшим выражением этого падежа» [17: 149].

Исследование в предлагаемой статье фокусируется на перечне вопросов, которые связаны со значением родительного падежа, лексико-семантическим выражением компонентов в сочетаниях, их функционированием с учетом семантики и прагматики жанра. Установление соотносимых грамматических конструкций из числа сочетаний с приименными падежами и с прилагательными – еще один аспект нашего исследования. Подобные параллельные синтаксические структуры изучались на примере старославянских памятников [3: 193–200], [16: 129–146].

Все рассматриваемые далее конструкции включают в себя определяемый и определяющий компоненты. В некоторых случаях определяющее состоит из нескольких знаменательных слов, которые обозначают воспеваемых святых, традиционные сакральные образы: <жезль> *бжїа дха*⁵ (4: 90), <слава> *Христа бога* (1: 52 об.), <память> *и҃л҃ги бѡм(д)рыа* (4: 88).

ЗНАЧЕНИЯ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В СОСТАВЕ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Последовательность анализируемых значений продиктована количественными показателями: от менее распространенных к многочисленным. Поскольку отдельные группы включают в себя большое количество примеров, то их объем будет проиллюстрирован частично.

Три случая беспредложного **родительного отложительного** зафиксированы в службе на обретение мощей митрополита Алексия: *бѣдѣ свобож(д)енїе* (6: 194 об.), <испроси...> *люты(х) же избавленїе и злы(х) ѿоуж(д)енїе* (6: 218). При лексическом разнообразии главных компонентов их объединяет общее значение «удаление от предмета в переносном смысле» [4: 262]. По наблюдению исследователей, в памятниках древнерусского языка именно этот оттенок родительного отложительного проявляется в «словосочетании с многочисленными глаголами (а также отглагольными существительными и причастиями)» [14: 152]. В исследуемых текстах такие сочетания скорее исключения на фоне более частотных приглагольных беспредложных и предложных конструкций с родительным отложительным: *скорбеи дшевы(х) и телесны(х) и страсти свободы* (6: 190), *избавиль ѿ лѣсти* (3: 70). Нетрудно заметить, что в именных и глагольных сочетаниях сохраняется семантика главного и зависимого компонентов.

Родительный со значением **памяти** обнаружен тремя сочетаниями (без учета повторов):

памѣть ѡмѣи бѣом(д)рыа (4: 88), *памѣть* <...> *кнѣзѣ Владимира* (4: 93), *памѣть ѡбрѣтенѣа* <моуцѣи> (6: 194 об., 195 об., 197 об.). Повторяющийся главный компонент дает основание считать такие образования устойчивыми, маркирующими важное сакральное событие. С данными сочетаниями соотносится единственная конструкция с зависимым дательным падежом: *памѣть стѣлю Алексѣю чудотворцю* (6: 190 об.).

Родительный со значением «определение по наличию» [13: 64] обнаруживается в трех (без учета повторов) словосочетаниях: *къ рацѣи мощици* (1: 52 об.), *рацѣи* <...> *тѣла* (4: 89), *къ рацѣи мощици* (6: 193, 198), *въ пребывалици пр(с)ноживѣщаа* (6: 293 об.). Две первые конструкции с устойчивым лексическим составом представляют собой только один грамматический способ обозначения сакрального предмета, который является местом поклонения.

Родительный количества зафиксирован в следующих двенадцати сочетаниях:

за множество прегрѣшенѣи (4: 91), *невѣрныхъ полци* (2: 8), *преподобныхъ множество* (5: 106), *грѣховъ мнѡ(ж)ства* (6: 193), *мнѡ(ж)ство моу(ч)никъ* (6: 293).

Наряду с последним сочетанием в одном из предложений обнаруживаются еще две конструкции, которые следует отнести в эту группу: *въ пребывалици пр(с)ноживѣщаа вселился еси блѣснне прп(д)бне нашъ Сер(г)ѣи идѣже апостоль соборъ и мнѡ(ж)ство моу(ч)никъ и преподобныхъ собранѣи* (6: 293). В таком контексте слова *соборъ* и *собранѣи* получают значение «объединение, сообщество сакральных субъектов», хотя и без указания на количественный объем (*множество*, *большинство* и под.). Эти же слова встретились и при номинации совокупности верующих: *вѣрны(х) собори свѣтло празднѡтъ* (6: 199 об.), *вѣрны(х) же собранѣи* (6: 295). Форма множественного числа подчеркивает совокупное множество представителей земной сферы.

Как видно из примеров с родительным количеством, наиболее востребованным является существительное *множество*, которое сочетается со словами негативной и положительной семантики. В то же время сложно в таком аспекте трактовать валентность слова *полкъ* в силу редкого употребления в субстантивно-генитивном сочетании, однако адъективные конструкции с этим существительным позволяют допустить его связь со словами, номинирующими негативные, враждебные силы и свойства: *бѣсовскыя полкы* (2: 7 об.), *вражи* <...> *полци* (2: 17 об.).

Передача количественного значения множественности происходит также за счет субстан-

тивно-атрибутивных конструкций с зависимым прилагательным *многоъ*, функционирование которого ограничено сочетаниями с существительными темпоральной семантики: *ѡ многоъ лѣтъ* (6: 184 об., 194, 198), *многоа времена* (6: 202). Исключением является пример: *со инѡки многыми* (6: 285 об.). В отношении последнего примера с некоторой долей осторожности можно объяснить выбор конструкции с прилагательным вместо субстантивно-генитивной. Вероятно, сказывается предположное управление, которое потребовало бы от существительного *множество* постановки в творительном падеже: **со множествомъ инѡкъ* / **со инѡкъ множествомъ*. Однако нетрудно заметить, что в субстантивно-генитивных сочетаниях существительное *множество* используется только в именительном или винительном падежах (в любой позиции по отношению к зависимому компоненту). Это дает повод говорить о грамматической (в частности, падежной) стабильности главного компонента в конструкциях с зависимым генитивом.

Родительный субъекта обозначает действующее лицо, и семантика таких существительных эксплицирует сферы воспеваемых, верующих, враждебных сил. Стержневым компонентом в восемнадцати словосочетаниях выступают существительные, значение которых связано с действием или состоянием. Примеры демонстрируют лексическое разнообразие как главного, так и зависимого компонентов при незначительном повторении в отдельных сочетаниях:

поганыхъ <...> *шатание* (5: 103 об.), *мѣченика тѣрпѣние* (5: 73), *блескъ лица* (4: 92), *рабъ молѣбы* (4: 93), *молитвами страстотѣрцю* <...> *Бориса и Глѣба* (5: 103 об.), *явленѣмъ* <...> *мощи* (6: 181 об.), *шатанѣа врагъ* (6: 201), *плоти* <...> *движания* (6: 289), *стрѣлами крови* (6: 292).

К синтаксическим соответствиям из числа субстантивно-атрибутивных сочетаний следует отнести пример с притяжательным прилагательным *вражи*: *владычествѣа вражѣа* (2: 17 об.), *о(т) плѣненѣа вражѣа* (4: 90), *искоушенѣа вражѣа* (6: 293) (компонент субъектного значения может быть прояснен посредством трансформации: **врагъ владычествует, пленяет, искушает*). Замена прилагательного на генитив существительного в таких сочетаниях приводит к затемнению грамматического значения: **о(т) плѣненѣа врага/врагъ*, **искоушенѣа врага/врагъ*. В трансформируемых конструкциях реализуется объектное значение (пленить врага/врагов, искушать врага/врагов). Таким образом, более точным в грамматическом, а следовательно, и смысловом плане является

притяжательное прилагательное, что и продемонстрировано в трех конструкциях. Тяготение к зависимой адъективной форме обнаруживается и в сочетаниях *штѣ наважєния дїавола* (5: 100 об.), *бѣсѣвѣскаѧ шатанїа* (6: 295). Выбор однокоренного существительного в сочетании с генитивом *шатанїа врагѣ*, вероятно, продиктован числовой формой зависимого существительного, актуализирующей множественность сторонников враждебных сил, в то время как прилагательные в эквивалентных сочетаниях номинируют общее свойство опредмеченных действий.

Родительный объекта выступает в словосочетаниях (общее количество без учета повторов – 21), в которых главное слово соотносено с глаголом и включает в себе значение процесса, действия, направленного на предмет или лицо: *оставленїа грѣховѣ* (4: 90), *пренесєние телесе* (2: 7 об.), *ш спасєнии душѣ* (5: 100 об.). Многократный повтор словосочетаний характерен для выражения таких опредмеченных действий, как ‘*оставление (отпущение) грехов*’ и ‘*принесение, обрєтение мощей, тела*’.

В сочетаниях с объектным родительным определяемое существительное называет лицо святого или другого представителя высшей сакральной сферы, который выступает как деятель, способный влиять на христианское сообщество: *наказателю стадѣ* (3: 71), *богопроповѣдника бл҃годати* (6: 183 об.), *свѣтилнице <роускыѧ> земли* (6: 190 об.), *вселєннїи <...> поборниче* (6: 286) и др. Девербативы, не имеющие суффиксов личного имени, также номинируют святого, наделяя его образной характеристикой, подчеркивающей его всеохватывающее, как правило, положительное, созидающее воздействие на мир и его устройство: *землѧ <русьскыѧ> одобренїе* (5: 72 об.), *всєлєннѧ наслаженїе* (5: 72 об.), *законѣ <цр҃ьковны(х)> оутвє(р)женїе* (6: 184).

Соотносительными субстантивными конструкциями выступают сочетания с дательным падежом существительного. Сходство таких структур наблюдается прежде всего в группе сочетаний, имеющих в качестве стержневого компонента наименование лица: *людєм водителѣ* (6: 289 об.), *инокомѣ оутверженїе* (6: 201 об.) и под. Зачастую в состав конструкций входит одно и то же зависимое слово: *в҃гры въздвизателю* (3: 70), *оучителѧ в҃гры* (6: 181 об.) – *схранныка в҃грь* (2: 11 об.), *проповѣдника в҃грь* (3: 67 об.). Наблюдается полное лексическое тождество компонентов сочетания при варьирующейся зависимой падежной форме: *оставленїа грѣховѣ* (4: 90) – *вставленїа грѣхо(м)* (4: 89). Лексически не одинаковые зависимые падежи выступают

при одном главном: *застоупника дїѣи и телесѣ* (2: 7 об.) – *застоупник(а) градоу нашємоу* (2: 18 об.), *людѣм <...> застоупника* (5: 72 об.).

Номинация канонизированного лица посредством субстантивных сочетаний происходит также за счет предложных конструкций с зависимым местным или винительным падежом в объектном значении. Количество таких сочетаний незначительно и во многом уступает родительному объекта: *поборника на врагы* (5: 73 об.), *помощника въ скорбєхѣ* (2: 18 об.), *въ напастєхѣ <...> оутѣшителѣ* (6: 202 об.).

Родительный принадлежности выступает в двадцати трех словосочетаниях (без учета повторов). В зависимости от лексико-семантического выражения компонентов конструкции могут быть разделены на несколько групп. Родительный называет лицо или совокупность лиц, а в роли стержневых слов выступают соматизмы и слова, обозначающие тело как объект почитания: *по(д) нози кнѣзѣ* (2: 17), *лицѣ кнѣзѣ* (3: 71), *немоудры(х) ср(д)ца* (6: 197), *по стопамѣ <...> Х҃а*, (6: 284), *мощи ст҃ла Алексїа* (6: 199), *тѣло <...> ст҃ителѧ Алексїа* (6: 202).

Родительный принадлежности номинирует сакральный образ, которому принадлежит какое-то качество или предмет: *жезлѣ бж҃їа д҃ха* (4: 90), *славоу <...> w(t)ца* (6: 188 об.), *житїе <...> Алексїа* (6: 193 об.).

Также посредством родительного принадлежности происходит именование лиц, связанных какими-либо отношениями (родственными, социальными, духовными) с другими участниками событий: *в҃грьных кнѣзѣ* (3: 71), *мѣре кнѣзєи* (4: 88), *внукѣ <...> Олгы* (3: 70 об.).

Наряду с зависимым родительным категория посессивности в анализируемых текстах имеет еще два способа выражения: сочетания с приименным дательным принадлежности и притяжательные прилагательные. Интересно отметить некоторые особенности в соотношении разных видов конструкций. Теоретически от каждого существительного (за исключением субстантивированного), выступающего в родительном падеже, можно образовать притяжательное прилагательное, и такие формы в текстах употребляются. Например, прилагательное *Христов* (*престолау х҃воу* (6: 195), *х҃воу законѣ* (4: 89) и др.) с полным правом можно назвать доминирующим способом обозначения принадлежности высшему сакральному образу. Нами зафиксировано более двадцати случаев его употребления, в то время как конструкций с зависимым однокоренным генитивом только две. Сочетания с прилагательным *божїи* (*слово бж҃їе* (4: 91), *божїимѣ сїанїемѣ* (6: 196 об.) и др.) также преобладают по сравнению с генитивом, который в двух из трех случаев

выступает с именем собственным, образуя устойчивую номинацию – *славѣ Хрѣста бога* (1: 52 об.), *вбещникъ Хрѣста бога* (6: 192), *в домъ бога* (6: 188 об.). В свою очередь, отсутствуют притяжательные прилагательные, образованные от имен собственных канонизированных святых (*Ольга, Алексѣи*), что делает генитив единственной формой выражения принадлежности в таких случаях.

Единичны примеры употребления одинаковых или синонимичных стержневых слов с разными морфологически оформленными зависимыми компонентами: *силою <...> троицы* (6: 286 об.), *силою стго дѣа* (4: 88) – *силою гнѣю* (3: 70), *в домъ бога* (6: 188 об.) – *вбителище вл(д)чне* (6: 289). Эквивалентных конструкций с одним и тем же главным словом и однокоренным зависимым компонентом – генитивом имени или притяжательным прилагательным – в текстах не зафиксировано.

Дательный падеж в исследуемом материале входит в состав примеров, в которых основное значение принадлежности осложнено оттенком предназначения: *прѣтелище <...> бгѡу* (4: 89), *раи <...> адамоу* (4: 93), *притѣкающимъ пристанище* (3: 67 об.). Также встречается дательный падеж, маркирующий разного рода отношения (значение, которое прибавляется к значению принадлежности [14: 199]): *върнымъ црѣ* (3: 70 об.), *кнѣземъ рустимъ верховьнѣаго* (3: 67 об.). Подобный оттенок, как было сказано выше, характерен и для родительного принадлежности. Более того, в одном случае наблюдается одинаковое лексическое выражение зависимой словоформы, ср.: *върныхъ кнѣзъ* (3: 71).

Особенностью последней, самой многочисленной группы сочетаний является то, что конструкции развивают переносные метафорические значения. Описывая похожие конструкции в старославянском языке (*на прѣстолю славѣ, лозѣ пагоубѣ*), В. Вечерка выделяет родительный «в образных оборотах» и определяет значение такого генитива, как «родительный объяснительный» [3: 192]. Родительный в данном случае определен нами как **метафорический**, хотя и следует признать некоторую условность этого обозначения, учитывая метафорику в отдельных ранее зафиксированных сочетаниях (ср., например, конструкции с родительным объекта *омрачение дѣа, въселения наслаждение*). Однако грамматические свойства компонентов, семантические отношения между ними не позволяют отнести данные сочетания к выделенным ранее группам. В силу большого числа конструкций (57 единиц) и лексико-семантического разнообразия в выражении компонентов, эта группа может в дальнейшем стать предме-

том более подробного изучения. Здесь мы ограничиваемся фиксацией отдельных примеров и некоторыми наблюдениями.

Существительные в составе словосочетаний называют разнообразными предметами, явлениями: *источникъ <...> крове* (4: 88), *мракъ дѣа* (2: 15 об.), *тѣмы злато* (4: 93) и т. д. Показательными являются сочетания, соединяющие в себе конкретное и абстрактное существительные: *святѣа съсудъ* (5: 104 об.), *на пр(с)тлѣ славѣ* (2: 10), *адаманта правды* (6: 181). Высокая частота таких словосочетаний уже отмечалась исследователями в отношении других древнерусских литературных памятников [2: 50]. Достаточно обширная группа словосочетаний включает в себя только абстрактные существительные со значением отвлеченного действия, состояния, признака, качества: *горести грѣха* (4: 89), *святѣмъ добродѣтели* (5: 72 об.), *властию <...> сластолюбѣа* (5: 103), *чюдесъ блг(д)ть* (6: 194 об.) и др.

Полностью или частично лексически сходные сочетания обнаруживаются в песнопениях Алексию: *подобие (подобіе) вбразѣа* (6: 198, 200 об.), в службе княгине Ольге: *ѡ тѣмы не разумѣа* (4: 88), *неразвѣа въ тмѣ* (4: 91). И, напротив, сочетание *чюдесъ даръ* (6: 182, 292) используется в разных песнопениях, посвященных Сергию Радонежскому и Алексию.

Метафорические сочетания с генитивом и субстантивно-атрибутивные сочетания в редких случаях характеризуются тождественным лексико-семантическим составом: *ризою нетлѣнѣа* (6: 293) – *нетлѣнѣною ризою* (5: 106), *даръ блгодати* (6: 182 об.) – *да(р) блгодатныи* (6: 181 об.). В этих примерах однокоренное существительное и прилагательное выступают в качестве зависимого компонента при одном и том же главном. Подобного лексического пересечения не наблюдается среди субстантивных сочетаний с другими зависимыми падежами, хотя метафорический характер свойствен и таким отдельным конструкциям (ср. пример с зависимым дательным падежом: *чадо святоу явисѣа* (4: 91)).

ВЫВОДЫ

В качестве обобщения отметим, что родительный присубстантивный выступает с целым спектром значений, выявление которых происходит с опорой на контекст и на особенности лексико-семантического выражения компонентов. Количество сочетаний в каждой группе представлено неравномерно. Сочетания с полностью или частично повторяющимся лексическим составом обнаруживаются в текстах разной хронологической приуроченности и подчеркивают важность

и постоянство отдельных фактов, событий, явлений в жизни православного сообщества.

Функциональная близость обнаруживается между сочетаниями с генитивом и другими сочетаниями: с приименными зависимыми падежами и с приименным зависимым прилагательным. Такая соотнесенность отражена в бинарных соотношениях (сочетания с зависимым генитивом – с зависимым падежом существительного; с зависимым генитивом – с зависимым прилагательным) или тренарных (сочетания с зависимым генитивом – с зависимым падежом существительного – с зависимым прилагательным). Еще большее сближение и пересечение синтаксических образований можно отметить в случаях

использования синонимичной лексики или одинаковых слов при оформлении присубстантивного падежа (*вѣрными ѿрѣ – вѣрныхъ книзѣ*). В то же время лексико-семантический анализ компонентов свидетельствует о том, что присубстантивный родительный занимает свое определенное место в выражении того или иного значения (например, в реализации значения принадлежности канонизированному святому или при обозначении совокупного множества лиц).

Разные с точки зрения времени создания тексты свидетельствуют о том, что сочетания с родительным падежом являются стабильным и ведущим элементом в поле субстантивно-падежных образований гимнографического текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: (простое предложение). Львов, 1949. С. 351–361.
- ² Попруженко М. Г. Заметки о языке новгородской служебной Миней 1095 г. // Филологические записки. Вып. III–IV. СПб., 1889. С. 1–34.
- ³ Обнорский С. П. Исследование о языке Миней за ноябрь 1097 года // Известия ОРЯС. 1924. Т. 29. С. 167–226.
- ⁴ Указания на использованные источники даются в круглых скобках после примера. Первая цифра обозначает номер источника (список см. ниже), после двоеточия – номер листа (страницы).
1 – Благовещенский кондакаръ. XI–XII в.в. (Q. п. I.32, л. 52–53 об.).
2 – Миней на май. 1463 г. (Соф. 205, л. 7–20).
3 – Миней праздничная. XIII–XIV в. (Соф. 382, л. 67–71 об.).
4 – Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сборник ОРЯС. СПб., 1907. Т. 82. № 4. С. 88–94.
5 – Стихирарь праздничный на крюках. 1156–1163 гг. Новгород (Соф. 384, л. 72–74 об., 99 об.–107).
6 – Трефолей (Сборник служб преимущественно русским святым). 50-е – 60-е годы XVI в. (Пог. 434. л. 181–203, 283–291).
- ⁵ Графическое оформление цитируемого материала упрощено, выносные буквы располагаются в скобках внутри слова, подтитловые сокращения не раскрываются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верещагин Е. М. Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 3–26.
2. Горшков А. И. История русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1969. 366 с.
3. Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. 378 с.
4. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 596 с.
5. Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. 279 с.
6. Молошная Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках: На материале рус., польск., чеш., болг. и серб.-хорв. яз. М.: Наука, 1975. 237 с.
7. Москалева Л. А. Способы семантико-синтаксической классификации конструкций с приименными дательным и родительным падежами в славянских Евангелиях XI века // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 182–185.
8. Нечунаева Н. А. Некоторые особенности русских списков Миней // Функциональные и семантические проблемы описания русского языка: Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1990. С. 131–138.
9. Нечунаева Н. А. Эволюция употребления бесприставочной и приставочной лексики в древнерусском языке по спискам Майской миней XI–XIV вв. // Эволюция и предистория русского языкового строя. Горький, 1985. С. 77–85.
10. Огородникова Л. А. Приименные и приглагольные конструкции родительного падежа в произведениях писателей и публицистов второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 33–37.
11. Рожкова А. В. Значения дательного падежа в ранней древнерусской гимнографии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2020. № 9 (152). С. 92–97.
12. Рожкова А. В. Синтаксические структуры русской гимнографии: Жанровая семантика и прагматика. Саарбрюккен: LAMBERT Academic Publishing, 2012. 220 с.
13. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.
14. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: члены предложения. М.: Наука, 1968. 296 с.

15. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. 360 с.
16. Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 160 с.
17. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.

Поступила в редакцию 16.06.2020; принята к публикации 08.02.2021

Original article

Anfisa V. Rozhkova, Cand. Sc. (Philology), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3778-502X; rozhkova@mail.ru

SUBSTANTIVE PHRASES WITH THE GENITIVE CASE IN OLD RUSSIAN HYMNOGRAPHY

Abstract. The study is based on the original poetic and liturgical texts created between the XI and the XV centuries. The research novelty lies in the fact that it investigates for the first time the word combinations with the genitive case functioning in the Old Russian hymnographic texts. The article analyzes the constructions formed using the model “noun + noun in the genitive case”. Observations show that this type of word combinations is the most frequent one among the combinations with subordinate adnominal cases. The purpose of the study is to determine the meanings of the genitive case through lexical and semantic analysis of the components of the word combinations, as well as to establish correlated grammatical constructions with other case forms and adjectives. The analysis revealed eight specific meanings of the genitive case. In quantitative terms, the groups of word combinations are represented unevenly, with combinations in which the meaning of the genitive case is defined as metaphorical being the prevailing group. Within each semantic domain, there is a different ratio of parallel grammatical constructions. Along with the substantive-adjacent genitive case, there are combinations with the adnominal dative case or with a dependent adjective. Other semantic zones include three correlated constructs. In some cases, combinations with the dative and local cases are used in parallel with the genitive case (for example, when expressing the object meaning), while in other cases a number of correlated constructions form combinations with the dative case or a dependent adjective. It is concluded that there are such semantic areas, where the substantive-adjacent genitive case serves as the only means of expressing the meaning.

Key words: hymnography, historical syntax, word combinations, subordination, genitive case

For citation: Rozhkova, A. V. Substantive phrases with the genitive case in Old Russian hymnography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.600

REFERENCES

1. Vereshchagin, E. M. Observations on the language and the text of an archaic source – *Ilya's Book*. *Topics in the Study of Language*. 1999;2:3–26. (In Russ.)
2. Gorshkov, A. I. History of the Russian literary language. Moscow, 1969. 366 p. (In Russ.)
3. Research on the syntax of the old Slavonic language. Prague, 1963. 378 p. (In Russ.)
4. Lomtev, T. P. Essays on the historical syntax of the Russian language. Moscow, 1956. 596 p. (In Russ.)
5. Markov, V. M. The history of reduced vowels in the Russian language. Kazan, 1964. 279 p. (In Russ.)
6. Moloshnaya, T. N. Substantive word combination in Slavic languages: Russian, Polish, Czech, Bulgarian and Serbo-Croatian languages. Moscow, 1975. 237 p. (In Russ.)
7. Moskaleva, L. A. Ways of classifying grammatical constructions with dative and genitive cases in Orthodox Gospels of XI century. *Philology and Culture*. 2012;2(28):182–185. (In Russ.)
8. Nechunaeva, N. A. Some features of the Russian copies of the Menaion. *Functional and semantic problems of the descriptive studies of the Russian language: Articles on Russian and Slavic philology*. Tartu, 1990. P. 131–138. (In Russ.)
9. Nechunaeva, N. A. Evolution of the use of non-prefixed and prefixed vocabulary in the Old Russian language according to the copies of the May Menaion of the XI–XIV centuries. *Evolution and prehistory of the Russian language system*. Gorky, 1985. P. 77–85. (In Russ.)
10. Ogorodnikova, L. A. Adnominal and verbal constructions in works of writers and publicists of the second half of 18 century. *Tomsk State University Journal*. 2013;369:33–37. (In Russ.)
11. Rozhkova, A. V. Meanings of the dative case in the early Old Russian hymnography. *Izvestia of the Volgo-grad State Pedagogical University. Philological Sciences*. 2020;9(152):92–97. (In Russ.)
12. Rozhkova, A. V. Syntactic structures of Russian hymnography: Genre semantics and pragmatics. Saarbrücken, 2012. 220 p. (In Russ.)
13. Russian grammar: In 2 vols. Vol. 2. Syntax. Moscow, 1980. 709 p. (In Russ.)
14. Comparative historical syntax of East Slavic languages: parts of sentences. Moscow, 1968. 296 p. (In Russ.)
15. Stetsenko, A. N. Historical syntax of the Russian language. Moscow, 1972. 360 p. (In Russ.)
16. Hodova, K. I. The system of cases of the Old Slavonic language. Moscow, 1963. 160 p. (In Russ.)
17. Jakobson, R. O. Selected works. Moscow, 1985. 455 p. (In Russ.)

Received: 16 June, 2020; accepted: 8 February, 2021